

КУРСКАЯ ГУБЕРНИЯ И ТУРЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВОЙН XIX ВЕКА

В.В. ПОЗНАХИРЕВ

*Курский государственный
университет*

e-mail: vvkr@list.ru

В статье исследуется география интернирования в России основных контингентов турецких военнопленных в ходе вооруженных конфликтов XIX в. Автором предпринята попытка обосновать центральное место и ведущую роль в этом процессе именно Курской губернии.

Ключевые слова: русско-турецкая война, Курская губерния, место и роль, военнопленные, турки, интернирование, закономерности.

На протяжении XIX столетия противоречия между Российской и Оттоманской империями четырежды перерастали в полномасштабные вооруженные конфликты (1806-1812 гг., 1828-1829 гг., 1853-1856 гг. и 1877-1878 гг.), каждый из которых неизбежно сопровождался интернированием турецких военнопленных в те регионы страны, которые военно-политическое руководство России считало для этой цели наиболее предпочтительными.

На первый взгляд, место и роль Курской губернии в данном вопросе выглядят не слишком заметными, поскольку непосредственно на ее территории пленные турки размещались лишь дважды: в периоды 1853-1856 гг. и 1877-1878 гг. Правда, в XIX в. турецкие военнопленные не интернировались более двух раз ни в одну из российских губерний. Однако данный факт скорее усложняет анализ рассматриваемой проблемы, ибо, помимо Курской, турки дважды размещались еще в целых 14-и губерниях, буквально «разбросанных» по всей европейской части страны и не имеющих, в большинстве случаев, видимой связи ни между собой, ни с Курским регионом (в частности, в Киевской, Минской, Вологодской, Владимирской, Херсонской и др.).

Понимание рассматриваемой проблемы затрудняет также и то обстоятельство, что выбор конкретной губернии в качестве места размещения пленных зависел не только от объективно присущих тому или иному региону свойств (степени удаленности от театра военных действий; климатических условий; эпидемиологической ситуации; состояния инфраструктуры; уровня отягощенности местного населения воинским постоем и др.), которые, в основе своей, оставались в XIX столетии неизменными, но и от доминирующих приоритетов, которые определяли всю государственную политику в отношении военнопленных в ходе конкретного вооруженного конфликта и которые, что самое главное, носили динамичный характер.

Так, если в период русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Петербург фактически запретил какое-либо трудовое использование пленных, то уже в войну 1828-1829 гг. само их интернирование в западные регионы России диктовалось исключительно необходимостью применения труда пленников на строительстве Киевской и Бобруйской крепостей, а также Виндавского канала. В свою очередь, война 1877-1878 гг., «давшая» России самое большое число турецких военнопленных за всю историю вооруженных конфликтов между нашими государствами (около 70 тыс. чел.), включая и Первую мировую войну, фактически вывела в число приоритетных вопросов... о наличии свободных помещений, ибо пленных пришлось распределить почти по всей европейской части страны, используя для этой цели едва ли не любой населенный пункт, в котором только удавалось арендовать подходящее здание.

Однако, несмотря на все изложенное выше, думается, что на протяжении целого столетия в основе распределения военнопленных по тем или иным регионам должны были лежать все-таки *объективные факторы*, а не какие-либо временные приоритеты.

Для проверки выдвинутой гипотезы мы сочли целесообразным ориентироваться одновременно на два следующих критерия:

1) базовые нормативные акты о пленных (принимаемые, как правило, в начале каждой войны) прямо называют губернию в качестве региона, предназначенного для их размещения (вне зависимости от того, имело ли место такое размещение в действительности);

2) пленные реально интернируются в губернию вне связи с тем, предусматривалось ли это изначально нормативными актами.

При этом, если второй критерий отражает действительное положение вещей, то ценность первого видится в том, что в нем, вольно или невольно, находят выражения: традиция, прогноз и признание значимости того или иного региона для решения рассматриваемой проблемы, основанное на опыте предыдущих войн.

Анализ упомянутых нормативных актов и архивных источников позволяет выделить перечень интересующих нас регионов, представленный в Таблице 1.

Как видно, свыше четырех раз в Таблице 1 не упоминается ни одна губерния. Четырежды названы лишь семь: Курская, Воронежская, Орловская, Полтавская, Тамбовская, Харьковская и Херсонская. Причем, каждая из них дважды предполагалась для размещения пленных турок, и в каждую из них они дважды реально интернировались (хотя «план» и «факт» далеко не всегда совпадали во времени).

Обращаясь к административно-территориальному делению Российской Империи периода XIX столетия, мы обнаруживаем, что все перечисленные губернии граничат друг с другом, образуя своеобразный район, ориентированный с юго-запада на северо-восток и лежащий параллельно коммуникациям, по которым осуществлялось снабжение армий, действующих на основном театре военных действий – Балканском.

Нельзя также не заметить, что Курская губерния является единственной, которая имеет общие границы сразу с четырьмя из шести других (Орловской, Воронежской, Полтавской и Харьковской), и – более того – **она расположена в идеальном центре названного района!**

Сказанное дает основание полагать, что при решении вопросов интернирования пленных турок военно-политическое руководство страны на протяжении всего XIX столетия объективно тяготело к размещению их в пределах очерченного выше района, центральным элементом которого выступала Курская губерния. Применительно к последней такой подход, по нашим оценкам, был предопределен рядом факторов.

Таблица 1

Перечень российских регионов, планируемых и используемых для интернирования турецких военнопленных в XIX в.¹

Наименование и временные рамки вооруженного конфликта	Губернии, предназначенные для интернирования пленных турок в соответствии с базовыми нормативными актами	Губернии, в которые основные контингенты турецких пленных были реально интернированы
1	2	3
Русско-турецкая война 1806-1812 гг.	Воронежская, Екатеринославская, Полтавская, Тамбовская, Харьковская, Херсонская	Воронежская, Екатеринославская, Полтавская, Тамбовская, Харьковская, Херсонская

¹ Составлена по данным: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2654. Л. 206-4; Д. 3783. Л. 255, 272-278; Ф. 395. Оп. 325. Д. 38. Л. 116, 272-278; Ф. 400. Оп. 3. Д. 2047. Л. 81-94; Российский Государственный Исторический архив (РГИА). Ф. 262. Оп. 1. Д. 4985. Л. 23-25; Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собр. второе. Т. IV. № 2977; Т. XXIV. № 28038.

Окончание таблицы 1

Русско-турецкая война 1828-1829 гг.	Курская, Бессарабская, Виленская, Волынская, Воронежская, Гродненская, Екатеринославская, Киевская, Минская, Орловская, Полтавская, Тамбовская, Харьковская, Херсонская, Черниговская	Киевская, Минская
Крымская война 1853-1856 гг.	Курская, Орловская, Тульская	Курская, Вологодская, Владимирская, Орловская, Пензенская, Смоленская, Тульская, Ярославская
Русско-турецкая война 1877-1878 гг.	Не определены	Курская, Бессарабская, Виленская, Владимирская, Вологодская, Волынская, Воронежская, Гродненская, Киевская, Минская, Орловская, Пензенская, Полтавская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Херсонская, Черниговская, Ярославская и еще 20 губерний не упомянутых в настоящей таблице

– оптимальной удаленностью губернии как от ключевых властных центров, так и от театров военных действий (ТВД), что, с одной стороны, обеспечивало быструю реализацию управленческих решений, а с другой – затрудняло возможные побегі военнопленных и сокращало процессы их этапирования во времени и пространстве;

– географическим положением вблизи точки пересечения потоков пленных, направляемых внутрь страны с Кавказского и Балканского ТВД, а также основных мест базирования Черноморского флота;

– достаточно развитой инфраструктурой и высокой плотностью населения;

– обеспеченностью региона сельскохозяйственной продукцией и относительно низкими ценами последней;

– незначительным количеством воинских частей, как постоянно дислоцируемых, так и вновь формируемых, а значит – приемлемыми, даже в условиях войны, уровнями постоянной и подводной повинностей;

– мононациональностью и моноконфессиональностью населения, вполне лояльного к власти и относящегося к пленным туркам, в массе своей, инфантильно, что сводило к минимуму риск возможных негативных последствий их размещения в регионе.

Центральное место, занимаемое Курской губернией, соответственно, детерминировало и ее заметную роль в решении проблем, связанных с интернированием турецких военнопленных. В пользу такого вывода, в частности, говорят следующие факты:

1. Хотя в период русско-турецкой войны 1806-1812 гг. военнопленные противника в Курской губернии не размещались, да и само их интернирование на ее территорию не предполагалось, губерния сыграла роль транзитного региона, в целом, достаточно успешно обеспечившего этапирование (и последующую репатриацию) в пределы Воронежской и Тамбовской губерний, а также городов Орел и Калуга около 4 тыс. турецких пленников².

² Более подробно об этом аспекте проблемы см.: Познахирев В.В. Турецкие военнопленные в Курской губернии в период русско-турецкой войны 1806-1812 гг. / Правда истории: Сборник научных статей. Выпуск VIII / Под ред. Г.А. Салтык. Курск, 2009. С. 104-110.

2. Что касается войны с Турцией 1828-1829 гг., то расквартирование пленных главным образом в Киеве, и без того буквально «забитом» тыловыми учреждениями, а также проходящими и вновь формируемыми воинскими частями, действительно выглядит некоторым диссонансом на фоне всего изложенного выше.

Вместе с тем, данное решение, как представляется, не содержит в себе ничего из ряда вон выходящего и полностью укладывается в рамки нашей концепции, с той лишь разницей, что отражает практику XVIII в., когда пленные турки не раз вносили посильный вклад в совершенствование российских фортификационных сооружений на всем пространстве от Ростова-на-Дону до Нарвы. Да и сам Киев за свою историю неоднократно выступал и сборным, и пересыльным пунктом, и местом расквартирования турецких военнопленных.

Другое дело, что на такого рода работах всегда использовалась лишь часть пленников, тогда как прочие интернировались в центральные регионы страны. Собственно, тоже самое почти неизбежно должно было произойти и в рассматриваемый период, если бы количество турок в русском плену соответствовало прогнозируемому, т.е. оказалось бы несколько выше. Во всяком случае, на такой исход прямо указывает § 38 «Положения о пленных» от 9 июля 1829 г., предписывающий «излишних сего рода пленных (речь идет о лицах «взятых в плен с оружием в руках» или, выражаясь современной терминологией – о «комбатантах» – В.П.),... отсылать на жительство в губернии Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую»³.

3. О значении Курской губернии в решении проблем, связанных с интернированием турецких военнопленных периода Крымской войны 1853-1856 гг., достаточно красноречиво говорят данные табл. 2.

Таблица 2

Распределение турецких военнопленных по губерниям России
(по состоянию на 21 марта 1856 г.)⁴

Губерния	Количество пленных (без учета гарнизона крепости Карс)	Количество пленных в % от общего числа
Орловская	436	27,19
Курская	281	17,53
Вологодская	202	12,6
Пензенская	194	12,1
Ярославская	184	11,48
Владимирская	168	10,48
Смоленская	69	4,31
Тульская	69	4,31
Всего	1603	100%

Как видно из табл. 2, к моменту подписания Парижского мирного договора, из восьми российских губерний, в которых размещались турецкие военнопленные, Курская занимала по их количеству второе место, уступая в этом отношении лишь Орловской и далеко опережая шесть остальных (впрочем, в отдельные периоды численность пленных турок, расквартированных в губернии, превышала 500 чел.)⁵.

³ ПСЗ РИ. Собр. второе. Т. IV. № 2977.

⁴ Составлена по данным: РГВИА. Ф. 395. Оп. 111. 1856 г. 2-е Отдел. Д. 399. Л. 18.

⁵ Более подробно об этом аспекте проблемы см.: Познахирев В.В. Турецкие военнопленные в Курской губернии в период Крымской войны 1853-1856 гг. / Курский край. Науч.-ист. журнал: № 3 (126) / Курское обл. науч. краевед. общество. Курск, 2010. С. 32-39.

4. Что касается русско-турецкой войны 1877-1878 гг., то Курская губ. в этот период, на первый взгляд, мало чем отличалась от большинства других, ибо на ее территорию было интернировано немногим более 1 800 пленных, что составило около 2,72% от общего числа военнослужащих противника, размещенных в сорока губерниях России на протяжении всей войны.

Вместе с тем, отмеченная нами закономерность дала о себе знать и в ходе рассматриваемого конфликта, ибо почти половина от названного числа турок (800 чел.) были расквартированы в губернии еще в середине августа 1877 г. т.е., *задолго до начала массового пленения войск противника* (при Шипке-Шейново, под Плевной и в Карсе), когда общее число военнопленных в стране едва ли превышало 8 тыс. человек⁶.

Весьма примечательным выглядит и тот факт, что хотя Курск в годы войны был далеко не единственным в России железнодорожным узлом, местом «перемены вагонов», а также санитарным и продовольственным пунктом, тем не менее, из 6 011 пленных, снятых со своих эшелонов в виду заболеваний в период с декабря 1877 г. по март 1878 г. на всех станциях всех железных дорог России, и соответственно, госпитализированных в ближайшие лечебные учреждения, на один только Курск пришлось... 1 533 чел., т.е., *каждый четвертый*⁷. Показатель совершенно несопоставимый ни с каким другим городом страны⁸.

Обобщая изложенное, мы считаем возможным утверждать, что Курская губерния, в силу комплекса имманентных ей преимуществ, занимала центральное место и играла одну из ключевых ролей в решении проблем, связанных с интернированием турецких военнопленных на всем протяжении XIX столетия.

KURSK REGION AND TURKISH PRISONERS OF WAR IN WARS OF XIX CENTURY

V.V. POZNAKHIREV

Kursk State University

e-mail: vvkr@list.ru

In this article investigates the geography of internment in Russia main contingents of Turkish prisoners of war during armed conflicts in the XIX c. The author has attempted to justify the central place and leading role of Kursk region in this process.

Key words: Russian-Turkish war, Kursk region, place and role, prisoners of war, Turks, internment, regularities.

⁶ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 157. Оп. 1. Д. 125. Л. 1, 4.

⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2047. Л. 81-94.

⁸ Более подробно об этом аспекте проблемы см.: Познахирев В.В. Турецкие военнопленные в Курской губернии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. / Актуальные проблемы научного творчества ученых кафедры истории России. Сборник научных статей. Выпуск 6 / Отв. ред. И.М. Плаксин; Курск. гос. ун-т. Курск, 2010. С. 55-61.